

Ольга Шо

**Развод. Идите к чёрту,
рогатые**

Шо О.

Ш78 Развод. Идите к чрту, рогатые / Ольга Шо. – М.: Литнет, 2026. – 228 с.

ISBN 978-5-521-99612-4

– Почему ты не можешь с ней развестись, милый? – обратилась к моему мужу незнакомка.

– У нас с Яной есть сын. Мой наследник. Я очень люблю сына, дорогая. Он должен расти в полной семье.

– Разведись, женись на мне. И у твоего сына будет полноценная семья. А держаться за эту хромую и жирную уродину такому шикарному мужчине, Антоша, не стоит.

– Настя..., – прошипел муж, не скрывая в голосе ноток недовольства, словно прямога девушки его задела. Но блондинка и не думала униматься.

– Твоя жена – настоящая корова, Антон. Сколько она весит? Сто килограмм или больше? Зачем тебе такая свинюшка? Ты же сам говорил, что тебя бесит её шрам на предплечье и эта её хромота, превращающая походку твоей жены в утиную. Ты стыдишься брать жену с собой на корпоративы. Я же во всём превосхожу её. И мы любим друг друга. Не стоит только ради ребёнка быть с нелюбимой коровой.

Муж не заступился за меня, не прервал словесный поток девки. Вместо этого он обнимал её, смотрел на выскочку с восхищением, и это было самое настоящее предательство. Каждое слово мужа, каждый жест, каждое его прикосновение, предназначенное, как я думала, только мне, сейчас отдавались кому-то другому. Мир вокруг померк, краски потускнели. Я чувствовала, как что-то стремительно умирает внутри, как рушится всё, во что я верила.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

1

Яна

Подъехав на такси к больнице, я сразу же помогла Мироше покинуть салон машины. В этот момент моё сердце сжалось от тревоги.

Я очень люблю своего сына, и когда он болеет, мне кажется, что мир вокруг теряет свои краски.

Мирону всего пять лет. В этом возрасте дети так уязвимы, ведь всё ещё не могут толком объяснить что и как у них болит.

Внезапный звонок из садика в середине дня заставил меня вздрогнуть. Мне сообщили, что мой сын себя плохо чувствует. И в этот момент все мои мысли сосредоточились только на Мироне.

Сын жаловался на боли в животе, и его тошнило. Я почувствовала, как паника охватывает меня всё сильнее, но старалась держать себя в руках.

Я решила не заниматься самолечением, особенно тогда, когда дело касается моего любимого ребёнка.

Я верю, что врачи смогут разобраться и помочь ему. Поэтому поскорее отправилась в больницу вместе с сыном, надеясь, что там найдут причину его недомогания и помогут сыну почувствовать себя лучше. Пусть специалисты узнают, что с моим малышом, а я буду рядом, чтобы поддержать его в этот трудный момент.

В приёмной у меня попросили документы на ребёнка и мой паспорт. После у сына взяли кровь для анализа, а уже через десять минут Мирона осматривал врач.

Я с тревогой наблюдала за тем, как врач осторожно надавливал на живот Мирона, спрашивая у малыша, что и где у него болит. Он отвечал так невнятно. Мне казалось, что у сына вообще всё болит в животе. Внутри меня рос страх, но я старалась держаться ради Мирона, не показывать ему своего волнения.

Врач сказал, что нужно исключить аппендицит. Предложил побыть в стационаре хотя бы сутки, чтобы понаблюдать за ребёнком и поставить верный диагноз.

Я, конечно же, согласилась.

Нас провели в палату на шесть человек. Здесь уже находились мамы со своими детьми. Но я сосредоточилась лишь на своём ребёнке.

Через полчаса снова пришёл доктор и попросил меня удалиться. Сказал, что минут через двадцать позовёт меня, чтобы пообщаться более детально о состоянии сына.

Я не стала спорить. Да и пить хотелось. В горле пересохло, и я решила, что нужно купить воды и себе, и сыну.

Чтобы дойти к выходу, пришлось пройти вперёд по длинному коридору. Но у палаты перед самым выходом к лестнице, я притормозила.

Кажется, я так сильно переволновалась, что у меня уже начались галлюцинации. Ведь я слышу голос собственного мужа.

Словно в тумане, я стояла у двери, не в силах поверить в то, что слышу. Голос моего мужа, полный нежности и заботы, звучал так близко, но в то же время был таким далёким.

– Ты же понимаешь, что я не могу сейчас развестись! – сказал кому-то мужчина, голосом моего мужа.

Я же теряюсь в этот момент. Чувствую, как сердце колотится в груди, а ноги словно приросли к полу. Внутри меня бушевали эмоции, но я не могла сделать ни шага к лестнице. Ноги сами повели к палате с приоткрытой дверью.

Собравшись с силами, я заглянула в двухместную палату. На кровати лежала девочка, тихо спящая под капельницей. А рядом с ней стояли мой муж и незнакомая девушка.

Девушке на вид лет двадцать. Красивая, яркая и эффектная блондинка. Очень стройная. Голубоглазая. И она держит за руки моего мужа.

Сначала я решила, что больная девочка приходится блондинке дочкой. Но... нет. Уж слишком юна девушка, чтобы иметь ребёнка десяти лет.

Я ничего не понимаю. Хочется пройти, подойти к ним и задать много вопросов. Но женская интуиция заставляет меня замереть на месте и просто слушать.

Внезапно почувствовала, как меня охватывает волна ревности и боли. Их руки переплетались: моего мужа и этой красотки. И в этот момент я поняла, что это не просто случайная встреча.

– Почему ты не можешь с ней развестись, милый? – обратилась к моему мужу незнакомка.

– У нас с Яной есть сын. Мой наследник. Мирон. Я очень люблю сына, дорогая. Он должен расти в полной семье.

– Разведись, женись на мне. И у твоего сына будет полноценная семья. А держаться за эту хромую и жирную уродину такому шикарному мужчине как ты, Антоша, не стоит.

Я едва не задыхнулась. Мой муж... мой Антон, произносил слова, которые разрывали меня на части. Он говорил о разводе, о том, что у нас есть сын, и что он должен расти в полноценной семье. Но рядом с ним была не я, а эта девка – молодая, красивая, с бездонными голубыми глазами.

Кто она?

– Настя..., – прошипел муж, не скрывая в голосе ноток недовольства, словно прямота девушки его задела. Но блондинка и не думала униматься.

– Твоя жена – настоящая корова, Антон. Сколько она весит? Сто килограмм или больше? Зачем тебе такая свинюшка? Ты же сам говорил, что тебя бесит её шрам на предплечье и эта её хромота, превращающая походку твоей жены в утиную. Ты стыдишься брать жену с собой на корпоративы. И даже в город предпочитаешь выходить с ней и с сыном поздно вечером, чтобы Яну не было так хорошо видно, как днём. Чтобы не чувствовать себя неловко в её присутствии. Сам ведь так говорил. Я же во всём превосхожу её. И мы любим друг друга. Не стоит только ради ребёнка быть с любимой коровой.

Сказать, что я в шоке от услышанного, так это просто промолчать. Я не в шоке, а в коме.

Эта гадина говорит обо мне такие вещи, а муж даже не одёрнет её. Не возразит.

Слова, которые произносила белокурая дрянь в мой адрес, были полны презрения. Она говорила о моём весе, о моих недостатках, о том, как я не соответствую идеалам мужа. Её голос звучал как ядовитая мелодия, проникающая в мою душу.

Я чувствовала, как внутри меня закипает гнев и обида, но в то же время меня охватывало безмолвное отчаяние.

Почему муж не защищает меня? Почему не говорит ей, что это не так?

Почему не скажет ей, что я – его жена, что я – мать его ребёнка, что я – человек, который заслуживает уважения?

Антон и вовсе обнял блондинку, посмотрел на неё с восхищением и поцеловал в губы, просто убивая меня.

Я не могла поверить, что мой муж, которого я любила, мог так легко отказываться от нашей жизни ради этой блондинки.

Вот кто я для него: хромая и толстая уродина со шрамом на предплечье!

Я не знаю, а испытывала ли я когда-нибудь в своей жизни более сильную боль, чем та, которая разрывала меня на клочки сейчас.

2

Да, я хромаю. И шрам у меня имеется от плеча до локтя на правой руке. И вес у меня не сто килограмма, как сказала эта деваха, а под девяносто.

Да, я полная. Пышка. Располнела после родов. Понимаю, что сама виновата. Не опомнилась вовремя, когда вес только стал набираться, но авария, которая произошла четыре года назад по вине мужа, внесла серьёзные корректировки в мои планы.

Антон не справился с управлением. Мы врезались в грузовик. Мужу ничего, отделался ссадинами, а я пострадала.

Меня зажало в машине. Уже в больнице, когда я пришла в себя, мне сказали, что, скорее всего, функции моей правой ноги полностью не восстановятся. Я буду прихрамывать. Совсем немного. Но от этого не легче.

Кроме того, у меня появился длинный шрам на руке. В предплечье врезалась металлическая часть, я потеряла много крови. Но выжила. И слава богу, что не осталась инвалидом.

Два года назад я делала вторую косметическую операцию, желая сделать шрам на предплечье менее заметным. Эффекта добилась потрясающего. Ведь в сравнении с тем, что было, шрам стал тоньше. Но он всё равно виден. Но это уже хоть не выглядит уродливо.

Выходит, что муж меня стыдится. Стесняется меня. Так он рассказывал обо мне своей... а кому именно? Кто эта блондинка?

Судя по тому, что язык Антона сейчас активно изучает гланды девицы, то они самые настоящие любовники.

Они целуются, милуются, а я чувствую, как мир вокруг меня рушится.

В тот момент, когда их губы встретились, я ощутила, как будто кто-то вырвал из моего сердца кусок, оставив лишь пустоту и холод.

Я не могла поверить, что это всё происходит со мной на самом деле.

Это был не просто кошмар – это была реальность. Настоящая.

С которой мне предстояло столкнуться и в перспективе очень близко познакомиться.

Невольно вспомнила, как мы с Антоном мечтали о будущем, о том, как будем воспитывать нашего сына, как будем вместе смеяться и делиться радостями.

Все эти мечты теперь казались такими далёкими и недостижимыми.

Я почувствовала, как слезы подступают к глазам. Как же больно.

Слова, которыми обменивались любовники несколько минут назад, пронзили меня, как острые иглы. Врезались в сознание и так там и осели.

Я никак не могла поверить, что муж говорил о нашем сыне, о нашей семье, как будто это всё не имеет для него никакого значения.

Девушка, с которой он стоял и лизался, не стеснялась высказывать свои мысли. И каждое её слово было как удар в самое сердце.

Блондинка нагло говорила о том, что я не стою любви Антона. Что я лишь жирная и уродливая обуза. И это было невыносимо.

Муж не защищал меня, не останавливал её. Вместо этого он обнимал любовницу, смотрел на выскочку с восхищением, и это было похоже на настоящее предательство.

Я не могла сдержать слёз, но, в то же время, не могла позволить себе проявить слабость. Я оказалась в ловушке собственных чувств, не зная, что делать дальше.

– Настя, ты не должна об этом думать. Я разведусь с женой. Но не так сразу. Ты же знаешь, что люблю я только тебя. Но ещё у меня есть сын. И я и его люблю.

– Сын ещё маленький. Как раз самое время, чтобы кардинально изменить ваши с ним жизни.

– Мы об этом поговорим. Но не здесь и не сейчас. Алёне только что сделали операцию. Скоро приедет мать девочки. Я не хочу, чтобы твоя сестра меня здесь увидела. Слухи и сплетни мне неинтересны, как ты понимаешь.

Антон снова прижался своими губами к губам сексапильной блондинки.

Звуки, доносившиеся из-за приоткрытой двери, обжигали меня хуже огня. Страстные поцелуи с другой того, кто не так давно клялся в вечной любви мне...

Они словно кинжалы, исполосовали моё сердце, вырывая куски плоти, заставляя те кровоточить, оставляя незаживающие раны.

Они резали без ножа мою наивную, доверчивую, влюблённую душу, убивая чувства, заляпывая чернотой светлую, чистую любовь.

Каждое слово мужа, каждый жест, каждое его прикосновение, предназначенное, как я думала, только мне, сейчас отдавались кому-то другому.

Мир вокруг померк, краски потускнели. Я чувствовала, как что-то стремительно умирает внутри, как рушится всё, во что я верила.

Предательство, такое внезапное и жестокое, оставило меня обнаженной и незащищенной перед лицом боли.

Боль... острая и всепоглощающая, затопила меня сейчас, лишая возможности дышать, думать, чувствовать что-либо, кроме оглушительного, разрывающего сердце отчаяния.

Я поддалась злости и боли. Смахнула влажные капельки с глаз и потянулась к дверной ручке, чтобы шире распахнуть двери и войти в палату. Но не успела. Мужчина в белом халате оказался шустрее. Посмотрел на меня исподлобья.

– Девушка, отойдите в центр коридора. Не стойте у дверей, – сделал мне выговор, поправляя на носу очки.

Я извинилась, отошла. Врач плотно захлопнул двери. И я больше не могла наблюдать за тем, что происходило в палате.

Нужно подождать, когда врач выйдет. Нельзя устраивать разборки при больном ребёнке.

Я сглотнула, пытаюсь хоть что-то сообразить. Крепко зажмурилась, открыв глаза, увидела молодую женщину лет тридцати. Очень красивая брюнетка.

Женщина юркнула в палату, в которой находился мой муж и его дама сердца. Но я успела заметить обеспокоенность и страх на её

лице. Это точно мать девочки. Вряд ли женщина так бы волновалась о чужом ребёнке.

Ребёнок... А я должна думать о своём ребёнке. Воду так и не купила. Но нужно скорее возвращаться в палату к сыну.

Я не могу позволить себе и дальше торчать под дверью здесь, когда меня ждёт мой сын! Что с ним?

Заставила себя уйти прочь. Быстро спустилась на первый этаж, где находился небольшой буфет. Купила две бутылки воды, а после, на подранивающих ногах, поспешила вернуться к сыну.

– Мама, а ты где была? – спросил Мирон, протягивая ко мне руки.

– Я за водой ходила, сынок. Пить хочешь?

– Да. Немного.

Сын сделал всего один глоток и снова лёг.

– Как ты? Тебе ещё плохо?

– Уже лучше, – ответил, а я увидела, что у него закрываются глаза. Устал и спать хочет, – я посмотрела в сторону двери, на пороге палаты появился доктор. Мужчина быстро подошёл ко мне.

– Что с моим сыном? – сразу же спросила.

– Ничего страшного мы не обнаружили. Что-то не то съел, видимо. Мы поставим капельницу. Оставим на ночь в больнице. А утром вас выпишут.

Слова доктора меня немного успокоили. Но я и сама вижу, что сыну стало легче. Он уже не жалуется на боли в животе.

Я сейчас была так расстроена, что с трудом соображала. Кивнула, сжимая руку сына. Есть ему сегодня нельзя, только пить. А вода у нас имеется.

– Мама, а ты плачешь? – спросил Мирон, его взгляд был серьёзным и внимательным. Я почувствовала, как предательские капельки влаги повисли на моих ресницах. Стоило только подумать о муже, и слезы потекли сами собой, словно прорвало плотину.

– Нет. Просто здесь немного душно, – пробормотала я, отворачиваясь, чтобы Мирон не видел моего лица.